

наиболее эффективного конечного результата. На современном этапе развития теории и практики оперативно-розыскной науки это может быть выражено следующими факторами.

Во-первых, участие в ОРД для одних лиц – это профессиональный долг, для других – это осознанное, добровольное, желательное закрепленное письменно желание участвовать в ОРМ.

Во-вторых, специфика деятельности субъектов и участников ОРД требует определенного профессионализма и вызывает необходимость развития навыков и умений указанных лиц, а деонтологической нитью здесь является безопасность личности, общества, сохранение их интересов, прав и свобод, а также интересов других субъектов.

В-третьих, проведение ОРД не должно осуществляться в личных интересах, а лишь для достижения целей и задач ОРД, обеспечивающих блага для общества и человека.

В-четвертых, работа субъектов и участников ОРД основана на нравственных представлениях отдельного человека, пока сложно определяемых и проявляемых в условиях агрессивной криминальной среды, но в нравственной мотивации, какой бы она ни была индивидуальной, должен всегда присутствовать общественный фактор, развивающий сознание граждан, направленное на качественное выполнение служебного или общественного долга.

Таким образом, представления о развитии принципов этики, морали как важных составляющих элементов в вопросах борьбы с преступностью позволяют добиться максимального успеха при решении стоящих задач. В этом нет ничего удивительного. Даже внешне разыгранное отношение оперативника к гражданину ведет к улучшению их согласованной деятельности в борьбе с преступностью, поэтому исследования в области человеческих отношений являются своеобразной призмой, через которую выстраиваются познавательные и деятельно-конструктивные возможности оперативных подразделений.

Следует сказать, что оперативно-розыскная этика связана с нравственным сознанием человека, группы людей, общества, которое в разные годы было различным. Заложенные концепты морали в ОРД требуют корректировки системы нравственной регуляции. Моральные основы ОРД (отношение к добру и злу) сохраняются, но в условиях активного участия субъектов и участников ОРД (в силу определенных закономерностей общественного развития и изменения характера преступности) в борьбе с криминалом требуются разработка и обоснование должного поведения, способного развить оперативно-розыскную практику и выработать механизмы ее совершенствования.

В классическом понимании должное поведение субъектов и участников ОРД опирается на систему ценностей общества, оперативного

подразделения, оперативного сотрудника, но проявляется, на наш взгляд, в нравственных поступках оперативного сотрудника; его отношении к лицам, содействующим оперативным подразделениям; традициях и правилах, сформированных в профессиональном коллективе; механизме проведения ОРМ на основе нравственных требований для лиц, не имеющих твердых моральных установок; развитии готовности у лиц, вовлеченных в ОРД, решать ее задачи; разработке механизма участия граждан в ОРД на основе нравственных требований.

1. Басецкий И.И., Родевич В.Ч., Шиенок В.П. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : учеб. пособие. Минск : Акад. МВД, 2012. 333 с.
2. Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права : учебник / под ред. В.А. Кучинского. 2-е изд. Минск : Акад. МВД, 2014. 479 с.
3. Макаров А.И. К вопросу о диалектике социального и индивидуального в нравственном развитии личности // Мораль и личность. М. : Ин-т философии АН СССР, 1980. С. 15–25.
4. Новейший энциклопедический словарь. М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2004. 1424 с.
5. Смирнова Г.А. Деонтология и педиатрия. Минск : Беларусь, 1975. 144 с.

УДК 342.415(342.734) + 349.3

С.М. Сивец, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора – руководитель Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА

Среди правового инструментария, обуславливающего весь спектр политического, экономического и социального развития государства, особое место отводится Конституции – Основному Закону страны. Безусловно, Конституция как политико-правовой акт уникальна по своему месту в правовой системе государства, ибо, во-первых, законодательно формализует общественно-политическое устройство государства, закрепляет фундаментальные (базисные) основы его экономической и социальной сферы, а во-вторых, является своего рода дорожной картой строительства правовой системы государства в целом. Опираясь на конституционно-правовые нормы, законодатель определяет как текущий, так и перспективный вектор своей правотворческой деятельности. Соответственно, для того, чтобы нормативные регуляторы об-

щественных отношений были эффективны по своей сути, необходимо, чтобы они, в свою очередь, основывались на современных и прогрессивных конституционных установках, способных задать перспективные направления общественного развития в экономической, политической, социальной и культурной сферах. Причем речь идет прежде всего о долгосрочных перспективах.

Конституция Республики Беларусь, принятая 15 марта 1994 г., как в структурном, так и в содержательном плане вобрала в себя ключевые индикативно-нормативные установки общественно-государственного устройства нашей страны, правового статуса личности, механизма формирования системы государственных органов власти, избирательной системы, административно-территориального устройства и иных политических и социальных институтов. И в этом аспекте отечественный Основной Закон является прямым подтверждением идеи профессора Н.И. Матузова о том, что «сама конституция есть не что иное, как система идей, выраженная в концептуальной политико-юридической форме» [1, с. 89].

Следствием принятия Основного Закона страны в 1994 г. явилось институциональное строительство суверенных государственно-правовых институтов, концептуальное изменение положения личности во взаимоотношениях с государством, проявляющееся в конституционном закреплении принципа ответственности государства за обеспечение достойного уровня жизни и свободного и всестороннего развития личности, обеспечение эффективной и полноценной охраны и защиты субъективных прав и свобод граждан. Следует признать, что сама по себе конструкция Конституции 1994 г. была чрезвычайно удачной. С одной стороны, вобрав в себя все лучшие практики конституционного строительства, наработанные человеческой цивилизацией за прошедшие несколько столетий, она позволила начать процесс динамичного строительства демократического, правового и социального государства. С другой стороны, учитывая, что трансформация любой политической и экономической системы неизбежно влечет за собой возникновение определенных социальных катаклизмов, требовалось нормативное закрепление соответствующих конституционных «амортизаторов», способных минимизировать социальные издержки и смягчить последствия переходного периода для населения страны. Именно этот фактор обусловил сохранение в Конституции по сути социалистической системы социальной защиты населения, широко представленной в предшествующих конституциях республики советского периода развития, с ее ярко выраженным патерналистским характером, заключающимся в абсолютной гарантированности конституционных прав граждан страны на бесплатное образование, здравоохранение и пере-

распределение социальных бюджетных трансфертов в пользу наиболее уязвимых групп населения: пенсионеров, инвалидов, многодетных семей, детей, беженцев, вынужденных переселенцев и др. Данный конституционный вектор общественного развития стал фактически системообразующим при формировании как правовой системы страны в целом, так и социального законодательства в частности. Уже к началу нового тысячелетия в Республике Беларусь были приняты основополагающие законодательные акты, системно и комплексно регламентирующие социально-трудовые правоотношения в стране: Трудовой кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, законы Республики Беларусь от 11 ноября 1999 г. № 322-З «О минимальных социальных стандартах», от 31 января 1995 г. № 3563-ХП «Об основах государственного социального страхования», от 22 мая 2000 г. № 395-З «О социальном обслуживании» и др. В совокупности это позволило обеспечить достаточно высокий уровень социально-экономической защиты населения, в особенности наиболее уязвимых его категорий: пенсионеров, молодежи, многодетных семей, лиц с ограниченными возможностями. При этом и нормативно, и фактически именно государство в лице уполномоченных органов выступало основным субъектом социальной политики и несло основную долю финансово-экономической нагрузки в обеспечении социальных прав граждан. Именно к такому алгоритму реализации социальной политики обязывало государство конституционное закрепление социального характера его устройства. На этот аспект обращала внимание и профессор Л.В. Константинова, утверждая, что «в процессе формирования социального государства, происходившего в контексте базовых социально-структурных изменений, постепенно отрабатывались и закреплялись основные формы государственного вмешательства (правовое и финансовое регулирование, перераспределение общественных ресурсов и производство социальных услуг), а также институционализировались способы и механизмы регулирования социальных отношений (перераспределение и регулирование доходов и заработной платы, регулирование занятости, поддержка частной инициативы и малого предпринимательства, развитие систем социального страхования, обеспечения и социальной помощи, систем пенсионного обеспечения, государственных систем образования, здравоохранения, культуры)» [2, с. 139–140].

Сам факт закрепления в 1994 г. на конституционном уровне социального характера государственного устройства (как феномена построения государства всеобщего благосостояния) на данный исторический период общественного развития по умолчанию предполагал доминанту патерналистской модели государственной социальной политики, отличительные особенности которой заключались в монополизме государ-

ственных институтов в социальной сфере, доминировании государственной собственности в гражданском обороте и в целом плановом характере экономического устройства и развития государства. Однако при этом на конституционном уровне одновременно были зафиксированы институты, свойственные уже социально-демократической модели социальной политики, а именно: вектор на построение социально ориентированной рыночной экономики, развитие институтов частной собственности и предпринимательской инициативы, в том числе в социальной сфере, увеличение числа акторов социальной политики в лице негосударственных субъектов (общественных и корпоративных). Однако эти институты еще предстояло сформировать. В связи с чем определяющее влияние на формирование соответствующего типа правосознания граждан с точки зрения обеспечения их конституционных социально-экономических прав имела именно патерналистская социальная функция государства. Этому же мнению придерживается и профессор А.А. Клишас, считающий, что «с точки зрения объекта целеполагания содержанием социального государства является реализация социально-экономических прав граждан (или прав „второго поколения“) прежде всего потому, что „социальность“ (в смысле конституционно-правового принципа) государство приобретает в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина и главным образом осуществления права на достойное существование. Социальная функция государства в данном случае выражается в осуществлении общественного интереса, в определенном смысле, согласования (консенсуса) интересов различных социальных групп, составляющих общественную структуру публичного территориального коллектива. Таким образом, социальное государство как объект целеполагания государственно-организованного общества, в сущности, также является реализацией патерналистской функции государства, в рамках которой им осуществляется создание механизма реализации социально-экономических прав человека» [3, с. 140–141].

С одной стороны, именно такая конституционная модель государственной социальной политики явилась абсолютным благом для молодого, только формировавшегося суверенного и независимого государства, поскольку обеспечила относительную преемственность в области социальной защиты населения и тем самым позволила избежать острых социальных потрясений и катаклизмов (в отличие от большинства бывших союзных республик). С другой стороны, стоит учитывать, что социальная сфера общества (а соответственно, и полнота реализации конституционных социально-экономических прав) неразрывно связана с экономической системой государства, демографической ситуацией в стране, общемировыми геополитическими событиями, экологическими

и техногенными катаклизмами и происшествиями. И если относительно экологических и техногенных факторов, влияющих на социальную сферу нашего общества, можно констатировать незначительный корреляционный характер воздействия, то экономические и демографические факторы, напротив, оказали серьезное влияние за последние четверть века на трансформацию государственной социальной политики в части отхода от классически патерналистской модели в сторону переходной солидарной, а в перспективе и субсидиарной модели.

Что мы имеем в виду. Ни для кого не является секретом, что Республика Беларусь является государством с открытым типом экономики, т. е. очень чувствительной к глобальным экономическим рискам и потрясениям. За последние 20 лет процесс глобализации мировой экономики значительно ускорился, следствием чего стало усиление конкуренции как в государственном, так и в корпоративном сегменте экономики с фактическим выдавливанием государств с переходной экономикой на периферию социально-экономического прогресса. Негативными последствиями данного явления помимо серьезного отставания в экономическом развитии от наиболее индустриально развитых стран мира выступают: снижение благосостояния основной части населения, рост безработицы, трудовая миграция и, как результат, усиление социальной напряженности в обществе. Более того, в нашей стране за последнюю четверть века так и не удалось переломить негативные тенденции в демографической сфере. С 1994 по 2019 г. население Республики Беларусь сократилось на 768 000 человек (это только естественная убыль) [4]. В этот же период произошел серьезный рост инвалидизации населения (на конец 2018 г. в Республике Беларусь насчитывалось уже 568 000 инвалидов [5], что составляет 6 % от общего числа жителей страны). С каждым годом возрастает и количество трудовых мигрантов (по разным подсчетам за рубежом трудятся от 100 до 500 тыс. белорусов), т. е. произошло серьезное уменьшение трудовых ресурсов в стране, являющихся основополагающим фактором экономического благополучия.

В этой ситуации государство объективно вынуждено было оптимизировать формы и способы социальной поддержки и защиты населения, корректируя направления своей социальной политики в сторону обеспечения максимальной защиты наиболее уязвимых слоев населения (молодежь, безработные, инвалиды, пенсионеры, многодетные семьи), одновременно сокращая такую помощь применительно к остальным категориям граждан.

Как мы уже отмечали, социальная сфера общества крайне зависима от уровня экономического развития государства, что обуславливает ее релевантный характер и необходимость оперативного законодательно-

го реагирования на любые существенные изменения социально-экономической ситуации в стране. Неслучайно начиная с 2008 г. (после разразившегося мирового финансово-экономического кризиса) в Республике Беларусь началась активная фаза пересмотра модели государственной социальной политики с точки зрения повышения ее эффективности, в том числе на уровне отраслевого законодательства. Как отмечает профессор А.П. Морозова, «задача перехода к более эффективной социальной политике стала решаться путем выработки новых механизмов, более рационального использования ресурсов, выделяемых на социальные цели, прежде всего на основе введения государственных минимальных социальных стандартов и нормативов, упорядочения системы социальных льгот, гарантий, компенсаций, постепенной отмены субсидий, усиления экономической ответственности членов общества за результаты их труда. Новая модель строилась на принципе направления социальных трансфертов на удовлетворение нужд нетрудоспособных и малообеспеченных семей и граждан, а для трудоспособных предусматривалась возможность своим трудом и предпринимательством обеспечить личное и семейное благосостояние. Была определена программа реформирования социальной политики, перехода ее на новые принципы реализации» [6].

Соотносимо с указанным перечнем задач в Республике Беларусь велась активная законодательная работа по правовой формализации новой модели государственной социальной политики. Логическим итогом такой работы стало принятие ряда законодательных актов, закрепляющих новую систему принципов, форм и способов осуществления государственной социальной политики. Основополагающими из них являются: Указ Президента Республики Беларусь от 19 января 2012 г. № 41 «О государственной адресной социальной помощи», законы Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 239-З «О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан», от 31 января 1995 г. № 3563-ХП «Об основах государственного социального страхования» и др. Согласно данным нормативным правовым актам правоотношения между государством и гражданином в части выполнения своих социальных обязательств основываются уже на принципе социального партнерства. Социальная ответственность государства выражается в том, что последнее выступает социальным гарантом общественной стабильности, защищенности людей в случае возникновения социальных рисков. При этом в зону ответственности государства включаются вопросы обеспечения безопасности, правопорядка, организации функционирования системы социальной защиты, обеспечения экологической безопасности. Одновременно государство в лице уполномоченных органов создает необходимые условия (в том

числе посредством правотворческой деятельности) для максимальной самореализации личности и обеспечения благоприятных условий ее жизнедеятельности.

Таким образом, на уровне отраслевого законодательства принцип конституционного социального партнерства охватил уже практически всю социальную сферу общественных отношений, тогда как на уровне самого Основного Закона он формализован лишь в отношении социально-трудовых правоотношений (так называемая концепция трипартизма). Сообразно этому конституционному алгоритму формируется как правосознание граждан (воспринимающих себя, общественные институты и государство как равноправных партнеров лишь применительно к сфере социально-трудовых отношений), так и сохраняется доминирующее положение государства как основного субъекта социальной политики, не стимулирующего при этом привлечение в эту сферу иных акторов (негосударственные субъекты хозяйствования, общественные объединения, благотворительные организации и т. п.).

Если чисто арифметически проанализировать 42 статьи разд. II Конституции, закрепляющие основополагающие права, свободы и обязанности граждан, то только 6 из них закрепляют обязанности самих граждан. Подавляющее же большинство норм формализуют обязанности государства по отношению к гражданам в формулировках «государство гарантирует», «государство обеспечивает», «государство защищает». Такая конституционная конструкция объективирует явный перекоп в части выполнения социальных обязательств от личности к государству, что, во-первых, не способствует развитию института конституционного социального партнерства, а во-вторых, способствует формированию иждивенческой (потребительской) модели поведения, а также экономической и социальной пассивности. Примером этого вполне может служить достаточно острая реакция населения на Декрет Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 г. № 3 «О предупреждении социального иждивенчества». Выражая свое недовольство, определенная часть населения апеллировала как раз к положениям Основного Закона, устанавливающим право, а не обязанность трудиться и в то же время закрепляющим ответственность государства по обеспечению достойного уровня жизни населения, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий. Оставляя за скобками издержки нормотворческого и правоприменительного характера, отчасти явившихся предпосылками столь острой социальной реакции, полагаем, будет правильным предположить, что лейтмотивом неприятия данного нормативного правового акта населением отчасти явилась низкая степень индивидуальной со-

циальной ответственности за собственное благополучие определенной части белорусского общества.

Четвертьвековой период существования патерналистской модели социального государства, отсутствие полисубъектности в социальной сфере, превалирование административно-правовых форм регулирования социальных процессов в обществе в конечном итоге привели к тому, что нормативно-ценностные установки граждан не претерпели концептуальной трансформации от признания и принятия исключительной и всеохватывающей роли государства в социальной сфере до понимания необходимости солидарного распределения социальной ответственности за построение общества всеобщего благосостояния между различными субъектами социальной политики (государство, бизнес, общественные объединения и граждане). В этой связи полагаем, что происшедшие за последнее время общественные изменения, а также нынешний уровень социально-экономического развития Республики Беларусь с неизбежностью ставят вопрос о необходимости пересмотра ряда базовых конституционно-правовых положений, регламентирующих взаимоотношения государства и личности. Полагаем необходимым распространить принцип конституционного социального партнерства, уже нашедший отражение в части отраслевого социального законодательства, не только на социально-трудовую сферу, но и на всю социальную сферу в целом. С этой целью видится целесообразным внесение изменений в ст. 2, 14 и 21 Конституции, новые редакции которых будут основаны на принципах социального партнерства и социальной ответственности всех субъектов социальной политики.

И последнее, распространение конституционного принципа социального партнерства на всю социальную сферу общества приобретает еще большую актуальность в связи со стремительным усилением влияния результатов научно-технического прогресса на развитие социума. Реальностью уже даже не завтрашнего, а сегодняшнего дня является активное интегрирование в экономическую сферу цифровых технологий и робототехники, что объективно вызовет значительное сокращение потребности в трудовых ресурсах в реальном секторе экономики. В аспекте же стремительного увеличения численности населения Земли данный фактор уже в среднесрочной перспективе может вызвать серьезные социальные потрясения и катаклизмы на фоне увеличения количества безработных и не имеющих средств к существованию людей.

В силу глобального характера этой проблемы многие страны мира уже сейчас превентивно пытаются найти алгоритм ее решения, в том числе на основе принципа социального партнерства. Так, ряд стран (Финляндия, Канада, США) в порядке эксперимента начали реализовывать социальную концепцию безусловного базового дохода, предпо-

лагающую регулярную выплату определенной суммы денег каждому члену общества со стороны государства или другого института. Выплаты производятся всем членам сообщества, вне зависимости от уровня дохода и без необходимости выполнения работы. Цель введения безусловного базового дохода заключается в обеспечении достойного уровня жизни, освобождении времени для творчества и образования, преодолении последствий массовой потери рабочих мест из-за развития робототехники и введении альтернативы системе государственного социального обеспечения. Обязательным условием при этом является добровольный отказ граждан от работы.

Первый общеевропейский опрос в апреле 2016 г. показал, что 64 % жителей Евросоюза поддержали бы введение базового основного дохода, но при этом только 4 % граждан после введения безусловного базового дохода откажутся работать. В 2016 г. в Швейцарии состоялся первый национальный референдум по вопросу введения безусловного базового дохода. Почти 79 % принявших участие в референдуме граждан не поддержали эту концепцию. В Финляндии с 2017 по 2019 г. планировалось в порядке эксперимента внедрить систему безусловного базового дохода, однако эксперимент завершился досрочно в 2018 г. по причине низкой эффективности результатов (участники эксперимента попросту рассматривали выплаты из бюджета государства в качестве дополнительного дивидендного дохода и в основной своей массе не планировали прекращать трудиться). Таким образом, очевидно, что в мире сегодня сформировался актуальный запрос на новую модель социальной политики, которая будет строиться на принципах социального партнерства и социальной солидарной ответственности всех ее акторов. Однако, пока модель этой политики еще не сформирована и не предложена обществу, а также не подкреплена серьезным ресурсным потенциалом, представляется целесообразным солидаризироваться с мнением академика Т.Я. Хабриевой о необходимости «избегать на конституционном уровне императивных формулировок в части гарантирования социальных прав, отдавая предпочтение закреплению последних посредством норм о политике государства» [7, с. 7], дабы социальные ожидания граждан не разбивались в дальнейшем о волнорез общественно-социальной действительности.

1. Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 83–93.

2. Константинова Л.В. Концептуальные параметры социального государства: особенности формирования российской модели // Конституция, закон и социальная сфера общества : материалы науч.-практ. конф., Москва, 1 дек. 2008 г. М., 2009. С. 137–147.

3. Клишас А.А. Социальное государство. М. : Междунар. отношения, 2017. 272 с.

4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/> (дата обращения: 17.02.2019).

5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/migratsiya/statisticheskie-izdaniya/> (дата обращения: 17.02.2019).

6. Морова А.П. Модель социальной политики в Республике Беларусь: генезис и законодательное обеспечение [Электронный ресурс] // Социология. 2012. № 1. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/43489/1/64-76.pdf> (дата обращения: 17.02.2019).

7. Хабриева Т.Я. Российская конституционная модель социального государства // Конституция, закон и социальная сфера общества : материалы науч.-практ. конф., Москва, 1 дек. 2008 г. М., 2009. С. 3–11.

УДК 340.1

В.М. Хомич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

УГОЛОВНОЕ ПРАВО В ОБОСТРЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА ДОЛЖНО БЫТЬ ПРАВОМ ЗАЩИТЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОЙ И ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Как можно в контексте фундаментальных социальных перемен, протекающих под ключевыми знаками глобального неолиберализма, и углубляющейся пропасти относительного обнищания большинства населения, в условиях роста неонацизма, расизма, антисемитизма, авторитаризма, межгрупповой враждебности обеспечить ответственную свободу всех и каждого без применения инструментария уголовного закона? Это не праздный вопрос, поскольку современная преступность демонстрирует серьезные вызовы социальным системам жизнеобеспечения и безопасности человека.

Это философский вопрос о смысле права и уголовного в частности, а может быть вообще уголовного права, которое по чьей-то воле превратилось и продолжает превращаться в непосильное универсальное средство правового регулирования и правовой защиты правоохраняемых известных и неизвестных, важных и неважных для простого человека интересов. Уголовно-правовая наука не дает даже относительно оптимального решения указанных проблем, основываясь исключительно на догматическом и социально запретном уголовном объяснении преступ-

ления как деяния, общественно опасного и исходящего исключительно от человека. В таком же ракурсе понимается и наказание, следующее с необходимостью и неотвратимостью за преступлением.

Вследствие этого человеческое сообщество, как никогда прежде, утратило возможность обеспечивать и контролировать действительную реальность коммуникативной интеграции права в систему уголовно-правовых средств обеспечения социальной безопасности и достойного существования людей. Между тем актуализация этой возможности должна стать основным фактором прогрессивного и безопасного развития человека (человечества), в том числе и формирования безопасного уголовного права. В связи с чем не случайны и вполне оправданы попытки философского пересмотра гносеологических и онтологических позиций уголовного права и на этой основе интегрирования правовых позиций (интересов) человека в систему криминализации и пенализации [1]. Это и есть основная задача философского переосмысления, казалось бы, давно известных и понятных социальных институций, какими являются преступление и наказание. Добавим, всегда понятных и удобных только для монополю власть держащих и поэтому экспериментирующих на преступлении и наказании исходя исключительно из догматического позитивизма – в отрыве от человека и его интереса в преступлении и наказании. Между тем человек и только человек является социализированной роженицей как собственного преступления и наказания, так объектом защиты от собственного преступления и наказания. И не учитывать этот философский смысл в исследовании того, что должно быть преступным (преступлением) и каким должно быть наказание, уже невозможно и небезопасно. Мы вступаем (уже вступили) в иной мир цивилизационной оценки и человеческого измерения происходящего с нами и вокруг нас.

В состоянии растерянности находится и официальная уголовная политика. Она все более демонстрирует свою неэффективность в отношении как традиционных, давно известных преступлений, так и преступлений, порождаемых социальным несовершенством и продолжаемым до бесконечности неравенством человеческого бытия, а также нежеланием или неспособностью экономически и политически господствующих элит что-либо менять в этом отношении.

Нередко можно слышать, что нет такого общества, которое бы исключало неравенство людей: деление на бедных и богатых изначально предопределено законами социального общежития людей. На почве социальной несправедливости и лукавого ее объяснения экономическими трудностями развития бедность определенной части населения (граждан) неизбежно воспринимается как норма. «Трудно в таком слу-